

*Лунный календарь
любовников*

Xenia Freeda

Xenia Freeda

Лунный календарь любовников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62876673

ISBN 9785005163561

Аннотация

Никогда не влюбляйтесь в призраков... Повивальные обряды, страшные сны, вещие предзнаменования и роковые встречи. Магические истории о женщинах, бросивших вызов себе и окружающим. Возвращающие чуткость к себе по крупицам.

Содержание

Натали	5
Елисей	26
Варвара	32
Ближайшие	37
Два сапога пара	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лунный календарь любовников

Xenia Freeda

Фотограф Нина Палладий

© Xenia Freeda, 2020

© Нина Палладий, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-6356-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натали

Мне было почти двадцать четыре, когда я встретила Натали. Первое, что я увидела, глядя на неё, была огромная тень птицы с большими крыльями и маленьким острым клювом, похожая на филина – её природный тотем. Она была как амазонка, но ничего маскулинного. Женственное тело и прекрасное лицо, щедро осыпанное веснушками. На голове она носила медные кудри, которые в полночь под заклинанием оживали и превращались в змей, проворно ползающих под её руками.

Моей ошибкой было то, что я не смогла побороть любопытства, и согласилась поехать с ней на другой конец города к домикам у парка и маленькой речки, которые стоили не так дорого из-за плохой транспортной доступности района. Кроме того, рядом была церквушка и старинное кладбище со склепом.

Мы встретились в те дни, когда люди, пытаясь обмануть смерть, сжигают её. Мне ужасно захотелось мороженого со вкусом дыни, но в том кафе был только миндаль и виноград.

Она под села за столик, улыбнувшись, спросила, с каким

вкусом моё мороженое.

– Миндаль. А так хотелось с дыней.

– Понимаю. У меня дома как раз есть мороженое с дынным вкусом, можем прогуляться.

Так мы оказались на улице. Вышли на набережную и побрели вдоль реки. Её птичья тень привлекала ворон, и они перескакивали с ветки на ветку, крича что-то на своём языке. По дороге мы зашли в музей старинных вещей, где она с удовольствием рассматривала химическую посуду из прошлого века и большой комод аптечного промысла. На втором этаже мы встретили мужчину с черными усами, заточенного в картину, совершенно живого, желающего познакомиться поближе. Я хотела подойти к картине и сделала шаг, но она сказала:

– Не надо, пойдем вниз. Смотри, он вампир. Сейчас мы станем уходить, и он рассердится.

Мы двинулись к выходу, я обернулась и увидела, как его лицо побагровело от гнева и постарело лет на пятьдесят. Я спросила её:

– Как такое может быть, что картина живая?

– Картина не живая, она мертвая. Всего лишь вещь. А вот человек, который в ней живет, вполне себе живой. Усами шевелит, на девушек заглядывается. До того был самолюбив при жизни, что умерев, последним куском самолюбия ухватился за холст.

Мы незаметно дошли до её дома, рассуждая о наличии жизни в вещах и присутствии смерти в живом. Это был небольшой одноэтажный дом в стиле модерн. Центральный зал имел камин и панорамные окна и плавно переходил в огромную кухню, оснащенную техникой последних моделей и итальянской плиткой цвета пломбира.

– Какой чай заварить? Есть ромашка, тимьян, мелисса, мята, ещё имбирь. Предлагаю, чай с имбирем и лимоном. Как раз подойдет к дынному мороженому.

Мы пили волшебный чай, и я узнала, что она приехала сюда с юга. Отец её не то цыган, не то казак, носил по два перстня на большом и указательном пальцах и по две родинки на мизинцах, родился, когда луна была в козероге, и исчез за три дня до её появления на свет. На этом знания об отце исчерпывались и начинались знания о других мужчинах. Мать вышла замуж второй раз и родила мужу сына. А Натали была вынуждена обратиться к собственному, внутренне-

му мужчине, чтобы найти опору.

Босая она бродила по деревенским дворам, окруженная толпой собак, лошадей и маленьких лягушек, спрятанных по карманам. В один летний день за год до выпускного мать спросила у дочери о дальнейших планах на учебу.

– На врача. Или ветеринара, если не поступлю в мед.

Так сильно её не колотили никогда в жизни. Мать закрылась в бане, пытаясь выдавить из тела воспоминания об отце Натали, который руками снимал любую боль. После чего Натали отправили учиться на инженера, строго настроено приказав забыть мечту.

– У меня как раз есть вакансия. Мне нужна помощница для работы, это что – -о вроде личного ассистента. Мне кажется, ты отлично подойдешь для этой работы, Онелик, можно я буду звать тебя просто Нели?

– Это безумно заманчивое предложение, но дом находится слишком далеко от центра, а у меня нет машины.

– Тебе не нужно никуда ездить, будешь жить здесь. Комната в северной части дома свободна, рядом выход в сад.

Я сказала, что подумаю до конца следующей недели, но уже через три дня собрала вещи, позвонила Натали и была на пороге дома, временно ставшего нашим общим.

Она искала себе мать, подругу и сестру одновременно. Когда-то давно выдавив всё женское из себя, по крупичкам отыскивала это в других.

Она говорила, что возвращает чуткость к себе по крупичкам. А чтобы вернуть утраченное – предчувствие – требуется время и особенный вид любви к себе. Невозможно сделать это быстро – вернуть назад искусное предчувствие дождя, когда ни птицы, ни крылья бабочек ещё не выдают предзнаменование, но в мыслях, сердце, кончиках пальцев дрожит ветер, несущий запах клевера, небо цветет горчанкой, а блестящие капли разбиваются о зелень разморенной травы.

Невозможно вернуть утраченное предчувствие внезапной, роковой встречи, горького поцелуя, тепла, разлитого по липовой аллее и рокота моря. Чуткость возвращается по крупичкам. Она – в розоватом цвете рассветного неба, в которое вгрызается тонкий лунный серп. Во вкусе клубники на наших губах. В созвездии Пегаса. В нашем общем чуде.

В доме было множество книг по медицине, психологии, химии, физике и эзотерике, но совсем не было художествен-

ной литературы. На полках стояли большие тетради с анатомическими зарисовками, записями и рисунками, напомнимшими эзотерические трактаты.

– Когда ты делала все эти рисунки?

– Некоторые конспектировала из книг, некоторые на лекциях. Та, что ты держишь в руках, по акупунктуре, проходила у китайского профессора. Я делала пометки в основном по ци. А в той тетради с черным переплетом можно найти записи по славянскому массажу живота.

Она жадно глотала знания, которые были под замком, впитывала их кожей и выпивала глазами, чтобы через руки и рот отдать нуждающимся. Я постепенно перенимала её алхимические взгляды. В кухне хранились льняные мешочки с травами и натуральными мазями, мед в баночках, не меньше пятнадцати сортов, перга, прополис, сушеные грибы и протертые орехи. Всё это она хранила для себя. Чай заваривала каждый день, обязательно спрашивая, какой сон мне снился ночью. Если сон был плохой, то в чай добавляла немного ромашки, имбирь и облепиху. Если ночью мне снился любовник, то варила кофе в турке, посыпая корицей или шоколадом.

– Я слишком долго жила не своей жизнью! Теперь нужно

это исправить, – говорила она.

Обычно после завтрака она садилась за книги, а я надевала спортивный костюм и бежала через парк до кладбища, около церкви отдавала голубям сухой хлеб и белые семечки, а затем возвращалась. Она заставляла меня раскладывать карты и руны, считая, что это мой природный дар, и на дождливую погоду все предсказания сбывались. Как только острые капли начинали стучать по крыше, я доставала шкатулку, расставляла свечи и ждала её появления. Днем мы готовили, обсуждали клиентов и прочитанное в книгах, но примерно с трех часов пополудни дом, как живое голодное существо, впускал в себя людей.

Она работала по – разному: иногда на кушетке, иногда на полу, на коврик для йоги или тонком матрасе, иногда просто сидя на стуле за чашкой чая. Кому – то исправляла только тело, кому – то только голову, но худшее начиналось, когда она принималась за тело и голову одновременно.

Первый раз это случилось, когда на приеме был молодой мужчина, бывший военный. Война закончилась и вместе с ней закончилась его душа. Он рыскал по свету в поисках крови, но кругом были лишь супермаркеты и телевизоры с рекламой дорогих кроссовок и новых шоколадных батончиков. Миру больше не нужна война, чтобы управлять.

Теперь есть супермаркеты и телефоны! По вечерам он тренировал детей. Днём работал руками, создавая вещи из металла и дерева на заказ. Одним словом, это был воин, заточивший себя в теле ремесленника.

Два часа он лежал в зале, пока Натали склонившись над ним, руками вынимала из его тела всё, что туда попало: это были маленькие иголки и огромные чемоданы, напичканные всем подряд.

– Нели, поддержи руки вот здесь.

Она указала на солнечное сплетение, я положила руки, глядя на то, как она обнимает его череп руками. Спустя пару минут, он вылетел из – под наших рук, и понесся, сметая всё на своём пути. Он кричал, рычал, стонал, в зверином неистовстве разрывая одежду, будто бы нас вовсе не существует. Я в испуге схватила её за рукав.

– Что происходит? Он успокоится?

– Конечно. Буквально через пару минут. Посмотри, сколько боли и злости способны накопить тела. И с каким упорством нужно сопротивляться освобождению!

Вскоре он успокоился, съжившись в позе эмбриона

на коврике, разразился рыданиями. Она укрывала его пледом и тенью своих крыльев, я оставила их вдвоем, выключив свет. Он расплатился с нами вдвойне и приезжал всё чаще. Сначала на сеансы, а затем чтобы увидеть Натали. Он отдавал ей деньги, драгоценности и знания, но никогда – своё тело. Этим единственным бесплатным ресурсом он не делился. Её недовольство росло как на дрожжах.

– Нели, принеси, пожалуйста, мне чистый халат.

Я зашла в комнату, нашла халат и в тот момент, когда приоткрыла дверь ванны, мне показалось, что в воде сидит огромная зеленая жаба. Я в ужасе отпрыгнула от двери, не веря своим глазам, услышала лишь:

– А ты думала, знания бесплатны? Ха – ха – ха.

В последующие дни я размышляла, померещилась ли мне эта ужасающая картина.

На какой-то момент её уязвленное самолюбие и разыгравшееся лоно ушли на второй план. Однажды нам привезли большого ротвейлера, он был толст и почти не вставал.

– Натали, забирай его, – сказал человек в черной шляпе, – врачи не знают, сможет ли он когда – нибудь встать на лапы

и ходить нормально. Они хотят усыпить его, а ему всего-то шесть лет. Бедный Коко!

Коко остался у нас, мы выходили его, вдвоем таская на улицу, чтобы он сделал свои дела и подышал свежим воздухом. Кормили свежей индейкой и морковью и всё время разговаривали.

– Коко, – говорила Натали, – ты хочешь забраться в мою постель? Я знаю, как ты мечтаешь поспать на пуховых подушечках под верблюжьим одеялом! Я знаю тебя, Коко. Сейчас же поправляйся, чтобы забраться в мою постель.

Она угрожала ему покупкой кошки, ампутацией лап и даже ледяной ванной. Три месяца спустя, когда воздух был прозрачным и холодным, Коко уже сам добирался до выхода во двор.

Я разделила с Натали почти всех своих любовников. Шахматиста, который тосковал по постели с женщиной. Студента, который ел на завтрак яйца пашот, ругался матом и пил виски. Музыканта, похожего на девушку, и даже девственника, которого берегла для себя.

Не познакомила я её только с Елисеем. Ведь с ним была моя душа. Елисей был художником, старше меня на де-

сять лет, мы познакомились, когда я училась в университете и снимала с однокурсницей маленькую квартирку, лучше сказать переделанную комнату в коммуналке в самом центре города, недалеко от Мучного переулка. Денег не хватало.

– Онелик, ты сегодня вечером свободна?

Я оторвала глаза от учебника.

– Выкладывай.

– Сможешь сегодня подменить меня на работе?

– На работе? Это на какой такой работе, случайно не той, где нужно позировать в непристойном виде?

Она рассмеялась. Леся училась в МУХе и подрабатывала натурщицей.

– Так точно, Онелик, в самом что ни на есть непристойном виде. Помнишь, я тебе рассказывала про художника? Который живет в квартире со странными лицами, курит трубку и кормит кошку вареньем? Елисей. Сегодня я должна позировать у него, но быть в двух местах одновременно не могу, а с Елисеем у нас лишь одно условие – я не должна пропустить ни одного воскресенья.

– А вдруг он заметит?

– Не заметит. Он щедро платит за работу.

Я надела зеленое короткое платье, серый берет, черное пальто с золотыми пуговицами, лаковые туфли, взяла зонтик-трость и поехала в сторону Адмиралтейства. Быстро нашла его дом, поднялась пешком на последний этаж и позвонила в дверь. В ответ кто-то мяукнул.

– Добрый вечер!

– Проходите.

Во всяком случае, он не подал никакого вида, что уличил замену.

В квартире сохранился старый паркет и пахло бархатным табаком. Под ногами закрутилась черная кошка с пушистым хвостом. На стенах висели портреты людей, преимущественно стариков и женщин. Он провел меня в мастерскую.

Елисей носил серебряные украшения, льняную рубашку, каждый месяц новые усы, а когда влюблялся – бороду, действительно играл на скрипке, а когда целовался, прятал руки

в карманы, и раз в неделю рисовал обнаженных женщин.

Я разделась, закрылась руками, но опомнившись, гордо вытянула шею, представив себя лебедем, и как можно более раскованно спросила:

– Куда мне встать?

– Ложись сюда.

– Куда? Вот на этот диван?

– Да. Поворачивайся ко мне ногами, головой к окну. Голову закрой той тканью, а ноги раздвинь.

Губы мои невольно разомкнулись, а глаза расширились.

– Это шутка?

Он рассмеялся в ответ, но прежде губ засмеялись его глаза, и даже когда улыбка сошла, глаза продолжали смеяться. Бабушка говорила, что это «черти бегают» по лицу, от того глаза и смеются, и что таким мужчинам нельзя доверять.

– Да, шучу.

Он подошел, чтобы вылепить из меня живую статую: коснулся руки, повернул за талию, долго выбирал положение головы и шеи, откинул прядь волос, затем выправил ещё одну, и принялся за эскиз. Мне понравилось быть живой глиной под его руками. Не знаю, сколько времени прошло, часов в комнате не было, левая нога и правая сторона шеи ужасно затекли, и плата уже не казалась столь высокой.

– Всё, на сегодня готово, можешь одеваться.

Я оделась, взглянула на эскиз, который, к слову, был очень хорош, получила причитающиеся деньги и задала всего один вопрос.

– Который час?

– В кухне есть часы. Налево от мастерской.

Получается, я позировала четыре с половиной часа!

– А правда, что ваш кот ест варенье?

– Это кошка. Спроси у неё, а впрочем, без загадок, это правда. Она любит вишневое варенье с кизилом. Его мне присылает бабушка. Хочешь попробовать?

И в тот момент мне захотелось вишневого варенья больше

всего на свете.

– Да.

Елисей достал пару серебряных ложек и матовую белую тарелку, налил туда варенье, рядом поставил две чашки с чаем. Вкус у этого варенья был потрясающий, как будто идешь по южному летнему саду и ешь спелые сладкие вишни. От такого вкуса глаза закрываются и начинают сниться сны.

– Ты не натурщица?

– Нет. Пришла заменить Лесю.

– Как тебя зовут?

– Онелик, можно просто Нели.

– Откуда это имя?

– Вроде бы финское, а может, мама его придумала.

– Я коллекционирую странные имена, но скажу честно, не слышал о таком имени.

– Зачем коллекционировать имена?

– Для семи дочерей.

– А у тебя есть хотя бы одна?

– Есть.

– Как её зовут?

– Оливия.

Мы обнялись на прощание, кожа жадно впитала его запах, до головокружения ударивший в нос. На следующий день я получила приглашение поужинать. У художников нет бокалов для вина. Поцелуи художников похожи на вишневое варенье с кизилом: очень сладкие с легкой кислинкой.

С тех пор мы редко расставались. Если он был зол, то звал меня «О», если расстроен «Ли», а когда пребывал в отличном расположении духа «Онелией». Мы пили талую воду, гуляли под дождем, танцевали при свечах, готовили салат из индейки и булгура, лепили маленькие глиняные статуэтки с большой грудью и членом, символизирующие плодородие и успех в финансовых делах.

– Миа. Нашу дочь будут звать Миа, – говорил он и добав-

лял имя в коллекцию.

Борода была флагом. Флагом, сигнализирующим о любви к другой женщине. Он возвращался с усами и виноватым взглядом из – под густых бровей. Я быстро раскрыла все его карты и уязвимые места. Елисея можно было читать как открытую книгу, но он никогда этого не скрывал. Его я и берегла от Натали. Ведь со мной была его душа.

Шахматист покрылся сыпью. У музыканта открылась язва. Девственник впал в глубочайшую депрессию. Однажды за обедом, который проходил в молчаливом погружении, я сказала Натали:

– Натали, мне кажется, твоё лоно убивает мужчин.

– Что ты такое говоришь? Почему ты обвиняешь моё лоно в том, что мужчины больны? Если они больны, то это их болезнь.

– Все наши любовники чахнут на глазах, а те, что не чахнут – становятся живыми куклами.

– Ты больше меня не любишь?

– Натали, я говорю сейчас не о любви к тебе, я говорю

о том, что ты используешь свой дар, привязывая тела мужчин, быть может, против их воли к себе.

– Что у тебя случилось?

И это была моя вторая ошибка, я рассказала ей о Елисее. За обедом при свечах, за столом с белой скатертью я поведала историю тоски. Хотя он не отрастил бороду, а значит, другой женщины в его жизни нет, я всё равно тоскую, ведь в квартире с портретами и вишневым вареньем становится всё меньше моего воздуха.

– Расскажи ему обо мне. Может быть, он захочет прийти на сеанс?

Я рассказала в самых лучших тонах Елисею о Натали, удрученный своей черной меланхолией, которую не прокормить обедами и завтраками, он согласился посетить наш дом.

Натали держалась профессионально. Мы угостили Елисея чаем с шалфеем и медом в сотах, после чего она попросила меня оставить их вдвоем, чтобы начать терапию. Вернувшись через час, я застала Елисея в растерянном виде, а Натали как обычно сияла.

– Пойдем покурим, Ли.

Мы вышли из дома.

– Нет, перейдем на ту сторону дороги. У этого дома явно есть уши.

– Что ты такое говоришь, Елисей? У дома точно не может быть ушей.

– Ещё как может. Как у моего дома есть глаза, так у этого дома уши. Оня, мне кажется, здесь что – то не чисто. Твоя Натали очень неприятная дама и к тому же, она только ждет, как бы залезть на меня.

Мне сразу вспомнилась огромная зеленая склизкая жаба, которую я застала в ванной.

– Поехали домой, Оня.

– Мне нужно убедиться, что всё о чем ты говоришь— правда. Тогда я соберу вещи и приеду домой. Не люблю незавершенных дел.

– Твой воздух там кончается.

– Я знаю.

Мы поцеловались на прощание.

Три дня я ждала подвоха, но ничего странного не происходило, а на четвертый день Натали заговорила о Елисее:

– Послушай, Нели, я решила заказать несколько картин для дома. Это будут интерьерные картины. Может, отдать заказ Елисею? Как думаешь, он возьмется за такое?

Моё терпение стало похожим на подгоревшее молоко, в ярости я закричала:

– Что тебе от него нужно?

– Не кричи на меня, Онелик! Мне ничего не нужно от него.

– Врешь! Ты забрала всех моих любовников, а теперь хочешь сожрать Елисея!

– Это не правда, ты сама разделила всех своих любовников со мной и сама привела его в мой дом.

Я схватилась за нож с серебряной рукояткой. Мы спле-

лись друг с другом как две змеи. Этот животный комок ярости катился до самого выхода во двор. Коко лаял, но не решился разнять драку, будто не мог выбрать. Волосы Натали превратились в огненных змей, глаза сверкали огнем. Я держала её взгляд как хрустальную вазу, как будто отпустив его, разобью победу. На кончике ножа как на кощеевой игле сосредоточилась ненависть.

Блик солнца на мгновение попал на круглые зеркала, развешанные на деревьях в саду, и вернулся на сетчатку глаза. Я с ужасом заглянула себе в горло. Передо мной в розовом платье, порванном как бумага, стояла я сама. Как только эта мысль долетела до кончиков пальцев на руках и вернулась обратно в голову, я поняла, что мой воздух в квартире Елисея окончательно закончился.

Елисей

К началу осени я наконец отыскал идеальную натурщицу. Она откликнулась на моё объявление, которое могло бы затеряться среди десятков похожих, вывешенных в мухе, не будь на нём синими чернилами gross указана сумма вознаграждения и текст: *требуется натурщица по воскресеньям в обед. Строго без пропусков!*

Она была красива, заканчивала академию, имела опыт позирования, но самое главное – она была совершенно не в моём вкусе. Приходила ровно за десять минут, скидывала кеды и избавлялась от платья, мыла руки виноградным мылом, после чего проходила в мастерскую и принимала ровно ту же самую позу, что и в прошлое воскресенье. Так прошёл весь август, сентябрь и первая неделя октября, и я уже подумывал, не отдать ли ей ключи от входных ворот.

В то воскресенье как всегда без десяти двенадцать прозвенел звонок домофона. Я щёлкнул зажигалкой и закурил самокрутку хорошего табака, открыл дверь и обнаружил перед собой совершенно другую женщину. У неё была другая комплекция, другой рост, тонкие черты лица и короткие пшеничные волосы. Тогда я понял, что побоявшись потерять работу, моя натурщица прислала вместо себя другую. Потря-

сающе – подумал я – и согласился сыграть в эту игру.

Одна её нога в лакированной туфле быстро перешагнула порог, и я сделал вид, что не заметил подмены. Зонтик, пальто и промокший берет говорили о том, что живёт она на севере города, там же, где и моя натурщица.

Долго путаясь в сырой одежде, волосах и комнатах, она, наконец, отыскала мастерскую, разделась, аккуратно развесив вещи на стуле, и уставилась тем пронзительным и осуждающим взглядом, какой обычно бывает у старших сестёр, впервые увидевших брата – юношу влюблённым в красивую девушку.

Всё ясно: она вовсе не натурщица. Мне захотелось рассмеяться, но я сдержался, украв её взгляд, указал ей на софу, кинул туда кусок ткани, затем поправил руки, наклон головы и положение бёдер, и вернулся к холсту.

Но как только между нами оказалось пространство, с виду пустое, наполненное лишь этим строгим и вопрошающим взглядом, следящим за серебряным кольцом на безымянном пальце, я почувствовал вкус пшеничного колоса, но не любого, а выросшего под жгучим солнцем на деревенском поле моего отца. Мне захотелось отложить карандаш и вернуться к постели. Более того, меня бросило в жар, а затем в озноб,

и я не заметил, как жую вместо колоса собственный ус.

Перед глазами попеременно мелькали «Бурный день» Левитана и этюды Мари Янко из Gobelins l'école de l'Image, после чего я обнаружил, что потратил на собственные фантазии не менее трёх часов, даже не приступив к подмалёвку. Мы переменили позу и я, всё – таки, начал писать.

«На сегодня готово, спасибо».

Она пошевелилась, вытянула ноги и первым делом отыскала два золотых кольца и серьги, только после этого – надела платье, взяла, не пересчитав деньги, конечно же, в удвоенной сумме, и задала всего один вопрос:

– Который час?

– На кухне есть часы. Слева от мастерской.

С кухни я только и услышал «Матерь божья! Почти пять часов прошло!», а когда зашёл, она ставила чайник на газовую плиту.

– Ты ведь не натурщица, – сказал я и щёлкнул зажигалкой.

– Нет.

Она сделала шаг.

– И даже не студентка Академии?

Она сделала ещё шаг, поймала на вдохе клубы серого дыма и снисходительно улыбнулась.

– Академии. Медицинской.

Тут мне стало окончательно понятно, почему она стояла так спокойно и при этом живо, а глядела снисходительно – осуждающе.

– Говорят, ваша кошка любит варенье, это правда?

– Ты можешь спросить у неё сама, а впрочем, это правда. Но не всё варенье, а вишневое с кизилом, по семейному рецепту. Хочешь попробовать?

Не дожидаясь ответа, я достал варенье, больше похожее на вино, и две серебряных ложки.

– Могу я узнать твоё имя?

– Онелик.

– Настоящее?

– Вполне себе. Кажется, финское, а может, мать вычитала его из книжек.

Я накормил её вареньем, напоил чаем, трижды назвал «маленькой», угостил терпким табаком и проклял всё на свете. Но как только дверь за Онелик закрылась, я отправил своей натурщице сообщение *«прошу более не пропускать встреч и не присылать Онелик»*.

Однако в следующее воскресенье всё повторилось и на моём пороге вновь была она.

Я проверил сообщения, где черным по белому было написано *«Прошу в следующее воскресенье по возможности снова прислать Онелик»*.

Этот фокус я проворачивал ещё несколько недель кряду, параллельно делая сразу две картины, как бы живя двумя разными жизнями. Но устав от грязного декабрьского снега, затащив огромную ель на четвертый этаж, и откупорив две бутылки испанской риохи, я был вынужден признать, что не могу платить женщине, которую хочу пригласить на свидание. И что ещё хуже, я уже плачу женщине, чтобы видеть её и не приглашать на свидание.

Каждое моё утро начинается не просто с воспоминаний о её глазах, а с тревожной попытки смешать синий, серый и фиолетовый, чтобы воссоздать тот самый цвет горчанки.

С этими мыслями я выкинул всё виноградное мыло и написал Онелик письмо, не зная, окажется оно в последствии прощанием или приглашением, однако, написал я его так, словно мы уже были как минимум на третьем свидании.

«Твое дыхание... оно такое обжигающее! Особенно во сне. Особенно во тьме. Ты — мой вид сверху. Моя альтависта. Ты – идеальное сочетание холмов и равнин тела».

Варвара

Он заметил её ещё в Москве на приеме у госпожи Соловьевой. Бездетную молодую вдову с огромным состоянием, которая зашнуровывала ботинки корсетным шнуром и привезла из Европы на модной фетровой шляпке запах венского кофе, лондонского асфальта и французской выпечки. Варвара была несчастна и верила в любовь, а Алексеев обладал даром: из тысячи женщин он мог безошибочно определить ту, которая не утратила наивности, имела склонность к психическому слиянию с мужчиной и банковский счёт с шестизначным числом. Он искусно подбирал жертв для себя и других членов преступного сообщества «пиковый валет».

У Соловьевой Варвара и Алексеев обменялись парой фраз, выпили шампанское с ликером, а через три недели уже отдыхали в Вене. На деньги Варвары, разумеется. Она покупала ему редкие антикварные вещицы, картины известных художников, дорогие ткани и оплачивала заграничные путешествия.

А в мае он исчез, оставив сухое письмо, в котором признался в огромных карточных долгах, просил простить его и больше не искать встреч. Варвара не досчиталась тридцати тысяч рублей и драгоценностей с бриллиантами на сумму

в два раза больше, но что страшнее всего – она уже догадывалась, что носит под сердцем сына.

О беременности знала только мать Вари и её помощница. В конце декабря в Германии родился мальчик. Шёл мокрый крупный снег. Мальчик был слаб и умер на третьи сутки. Похоронили на православном кладбище, не дав имени. Варя почти не плакала. Сердце её словно замерло. Она была одержима лишь одним желанием: найти Алексеева. Он мерещился ей на улицах Мюнхена и Эдинбурга. В маленьких лавочках и фешенебельных ресторанах. Мать говорила:

– Забудь его. Слава богу, ребёнок умер, ты богата, красива и свободна. Подумай о себе.

И Варя думала. Она представляла, как встречает Алексеева в Москве и проходит мимо него в красном шелковом платье под руку с новым возлюбленным. Или как он падает к её ногам, а она снисходительно уверяет, что не держит на него зла. Но чаще всего она представляла, как они забывают прошлое, очищаются от всей грязи и начинают новую жизнь с венчания в маленькой церкви где – нибудь в Пскове.

Но уже следующим летом от Соловьевой она узнала, что у них тоже была интрижка, а Алексеев прихватил пару диалектов, о чем Соловьева вынуждена молчать, дабы не разру-

шить репутацию мужа. Варвара все поняла. Месяц ходила как затуманенная, а через месяц пришла к следователю Головину. Тонкий, высокий, с водянистым взглядом, он отвечал на её вопросы, одновременно перебирая бумаги, многие из которых пожелтели и имели потертые края.

– Многие из жертв сообщества добропорядочные жены высокопоставленных чиновников. Они никогда не дадут – с показаний. Вы все понимаете.

Следователь поднял костлявый палец вверх и задержал взгляд на Вариных губах. Тогда она решилась и рассказала ему об истории рождения мальчика в Германии.

– Я была глупа. Ослеплена горем, смертью мужа и одиночеством. Представьте, в каком положении я бы оказалась, если бы ребёнок выжил.

– Ищите женщин, голубушка, которые готовы давать показания. Я уже разговаривал с мадам Соловьевой и госпожой Прокофьевой, к сожалению, сохранить инкогнито не представляется возможным.

Он не смог сказать ей, что уже опросил более десятка женщин, но все они боялись позора. Участники общества позаботились об этом.

Восемнадцать месяцев Варя вела расследование в Москве, Петербурге и Европе на утренних, ни к чему не обязывающих рандеву, которые заканчивались солёным от слез кофе. Около десяти женщин, преимущественно вдов, согласились свидетельствовать против членов «пикового вальета». Головину она принесла толстую тетрадь со своими записями, но дело стопорилось, большая часть жертв отдавала деньги добровольно, без расписок.

– Голубушка, они сами отдавали драгоценности и деньги, кормили ужином и покупали шелка.

Ближе к весне, узнав о месте пребывания Алексеева – недалеко от Локарно – она поехала туда, прихватив свою новую подругу, некую мадемуазель Коневич, неизвестную ни в каких кругах, но очень богатую молодую женщину. Коневич смотрела взглядом, наполненным не естественным превосходством, имела тонкую талию, маленький шрам над верхней губкой и правильную осанку.

А через несколько дней его нашли повешенным в номере отеля. Расследование вела полиция Швейцарии.

– Повесился? На лицо самоубийство. Записка об огромных карточных долгах. Почерк несомненно Алексева.

– Похоже на то, похоже на то. Подайте запрос в консульство России.

Варвара взглянула в зеркало. Увидела отражение не свое, а бабки – Екатерины Сергеевны Голиковой.

Бабка была, вероятно, из рода тех самых Голиковых. Про неё было мало что известно, например, что её волосы цвета воронова крыла во сне превращались в птиц, что она умела лечить любую болезнь, посыпав солью глаза, а затем, слизав языком, и никогда не ела одним и тем же столовым прибором дважды.

Варвара мысленно смахнула мираж, перевела взгляд на маленькую скромную комнатуху, на Коневич, а затем выложила её долю – десять тысяч рублей и рубиновую брошь.

Ближайшие

Мы заказали ещё сливовой водки. Юстус явно подобрел с дороги, откинувшись на стуле, прищурился, сверкая масляными глазами. Мы уже успели обсудить медицинскую практику, заскорузлый нрав главврачей, родительскую старость, и вот, наконец, он спросил.

– А как твоя девушка, та, со странным именем?

– Агриппина.

– Да, точно Агриппина. Вы всё еще вместе?

– Она исчезла, – сказал я как можно спокойнее, – сбежала.

Несколько секунд Юстус совсем не двигался.

– Как нехорошо, друг мой, позволь узнать, что произошло?

Я познакомился с ней на курсах мидвайф.

– А теперь поднимите руку те, кто хоть раз делал наружный поворот плода в поперечном предлежании!

С заднего ряда я увидел тонкую белую руку с голубой манжеткой блузы. Лица мне не было видно.

– Встаньте, пожалуйста.

Каково же было моё удивление: русская! Вероятно, из общивавших дворян, что же могло с ней случиться, раз с таким прелестным лицом она пошла на курсы мидвайф, а не была замужем за каким-нибудь толстым достопочтенным бюргером? Все черты её лица были словно стерты и одновременно крупны и яркие. Полные губы и продолговатое лицо с выступающими скулами. В тот же вечер я повёл её в ресторан: она не сопротивлялась, не увиливала, с радостью приняла предложение.

Весь вечер толковала о каких – то обрядах, повитухах, о том, что солнце не должно дважды вставать над роженицей, пила белое сухое, смеясь, прикладывала кончики пальцев к нижней губе, смешно её покусывала. Я думал провожу её домой и увижу на следующей неделе на курсах. Но в тот вечер она без стыда пошла ко мне.

Через неделю Граня привезла два своих чемодана в мою квартиру, не сказав тетке: копила их скромные дотации на черный день.

– Вот ты, Иван, – говорила она, положив руку на моё плечо и перегнувшись, чтобы подглядывать в медицинские карты, – вроде передовой врач, будущее светило медицины, а иногда такой узколобый! Разве может женщина спокойно рожать дитя, если вокруг неё столько персонала, столько света, какие – то страшные медицинские инструменты..

И я во многом с ней соглашался. И во многом советовался. Признаюсь: несколько раз без неё неизвестно чем бы закончилось дело.

Мы кормили уток в парке напротив больницы до самых заморозков. Затем закупили новогодних игрушек в лавке у Герберта. Я никогда не был так счастлив: поил её глинтвейном, кормил бельгийским шоколадом из рук, и ни дня не было, чтобы я думал, что ошибся, пожалел о своём выборе. Напротив, крепчала уверенность – мы должны быть вместе – плевать, что скажут родители, моей докторской зарплаты хватит снять нам приличное жильё.

В канун рождества один мой старый приятель по университету пригласил нас на ужин. Я знал не всех, но среди приглашенных особенно выделялся молодой человек, тоже русский. Он обладал таким красивым лицом, дьявольски привлекательным. На него, краснея, смотрели все приглашен-

ные дамы. В нём чувствовалась опасность: хищный взгляд и острые скулы, и тонкие, но хорошо очерченные губы, слаженный овал лица, темные волосы. Костюм стоит по меньшей мере три моих зарплаты.

– Кто это?

– Григорий Гатчинский.

Агриппина нервничала. Ничего не ела. Всё металась, бродя по чужому дому, и скорее хотела уехать, а Гатчинский не сводил с неё глаз. В конце концов, я поймал её на лестнице второго этажа и спросил:

– Это твой бывший любовник?

Лицо её было ужасно: в глазах стоял нечеловеческий страх.

– Что ты такое говоришь.

Молча мы вернулись домой. Я устроил скандал, притворными угрозами выбил признание. Оказалось, Григорий её брат, и не просто, а один из двойни. Мать умерла в родах, отец хоть и был богат, но пропил состояние.

– Мы с Гришей всё время были вместе, как никому ненужные, держались друг за друга. Как-то раз нас отправили в тверские места, к сестре матери, мы часто гуляли там в лесу, и однажды наткнулись на дверь, она была прямо в земле, словно приросла к почве.

Граня рассказала какую-то дикую, фантастическую историю. О двери, встроенной прямо в землю.

– Мы открыли её, лестница вела вниз. Мы спустились и увидели десятки, – лицо её исказилось и слёзы хлынули из глаз, – десятки или сотни человеческих рук и ног. Отрезанных ли, отрубленных не знаю.

Ни на следующий день, ни позже найти эту дверь они не смогли.

Юстус выслушал мой рассказ, осушил последнюю стопку сливянки и, положив локти на стол, спросил:

– Думаете, инцест, коллега?

– Уверен. Она призналась, что близость их перешла все разумные пределы.

– Поврежденный разум мог нарисовать и не такие карти-

ны. Темный подвал. Руки – ноги. И всё это нашли они вдвоем с братом. Не слышали об учении о психоанализе доктора Фрейда?

– Что – то слышал – с, Юстус, но мы, акушеры, увы, смотрим в другие места.

Мы рассмеялись и заказали ещё водки.

На следующий день она исчезла, солгав, что пошла в салон платьев. Бросила всё вещи, забрав лишь документы и драгоценности. Вскоре я нашёл тетрадь с пометкой «Ваня, тебе», в которой было множество зарисовок и текстов на акушерские темы. Часть из них – чистой воды колдовство, но клянусь, в минуты отчаянья я применял их на практике и многое работало... в те моменты Агриппина будто была рядом со своими чудовищными историями.

– А про Гатчинского слышал, слышал, – добавил я, – будто купил он землю под Казанью и женился. А жену Верой зовут и якобы работает она медсестрой в больнице...

Два сапога пара

У Анны Леонидовны Воропановой некоторые привычки и особенности характера передавались по наследству. Её бабушка Галина Львовна была глупа как лиса, но умна как рыба. Она впитывала знания с губ любовников через уши. Можно сказать, она оттачивала ум игрой в шахматы с любовниками, где партии состояли из хитроумных ходов по обмену знаниями: она отщипывала кусочек знания у одного мужчины и потом передавала его следующему, дожидаясь ответа, а ответ выдавала за свой.

Именно таким образом она узнала настоящий рецепт печенья «Мария», обменяв его на историю княжны Марии Александровны, супруги герцога Эдинбургского, того самого, что бороздил моря, захлебываясь ромом, и был таким буйным, что не мог жениться ни на ком, кроме русской. В честь русской княжны это печенье и было названо.

Анна Леонидовна никогда не работала в полнолуние, не имела в любовниках мужчин – близнецов, могла по родинкам прочесть прошлое и будущее человека, а во снах узнать, чем он болен, и сильнее всего была влюблена в своего прадеда. Изобретателя, лауреата технических премий, красавца с высокими скулами, выглядывающими клыками

из – под плотно сжатых губ и манерно закрученными усиками. Он родился весной, когда шампанское пенится особенно сильно, а дамы меняют темные платья на светлые атласные наряды, а умер поздней осенью, облаченный в бекешу, где – то по дороге на Сумы в братской могиле.

В тот год Anne исполнилось двадцать четыре. Она разбирала альбом с фотографиями бабушки и наткнулась на снимки Александра Михайловича. Родственник будто ожил и подмигнул ей одним глазом, прищурившись, холеной рукой подкрутил ус. Анна почувствовала тепло, разлившееся в животе и груди, и резкий прилив жара к шее. Она захлопнула альбом и отложила его на полку.

Доподлинно известно, что мы наследуем от предков не только цвет глаз, расположение родинок, толщину губ и форму носа, но и характер, талант, предрасположенность, желания и даже привычки, например, любовь к тонкому слою сливочного масла, намазанного на хрустящий хлеб, или привычка дремать в полдень.

Анна же не только унаследовала многочисленные таланты и пороки своих прародителей, но и умение различать, кому они принадлежат. Так она наверняка знала, что любовь к рыжебородым мужчинам и английскому луковому супу достались ей от сестры бабки – Александры Львовны, но Анна

не позволяла этим желаниям брать над собой верх, потому что человек состоит из желаний, а желания – это именно то, что может даже покойника вытянуть с того света.

В тот год Осенние Деды наступали медленно, они принесли первый снег, перемешанный с дождем, и острый северный ветер. Вороны появлялись у окна, чтобы склевать поздние яблоки китайки, ярко – красные на фоне черных ветвей, припорошенных снегом. Короткие дни уступали место длинным ночам, ночам наполненным волшебством, и теперь она особенно остро чувствовала это. Его присутствие. Она поняла, что он рядом, и что она интересна ему ровно также как и он ей. Ведь Александр Михайлович умер в самом расцвете сил, и хотя он всю жизнь был верен своей жене – наполовину немке, которая скончалась раньше него, он забрал в могилу все нереализованные желания и не созданные устройства.

Духи бесплотны, они утратили мешок из кожи, костей и мышц и даже сознание. Но сила их воспоминаний и желаний живет так долго, словно она впечатана в пространство.

Духи привязаны к своим домам, сундукам, вещам, платьям и ботинкам, домашним животным, единственным свидетелям их мертвого состояния, безделушкам, постелям, сохранившим следы любовной страсти, к людям, с которыми они чувствовали что – то ранящее и глубокое, будь то ис-

пепеляющая страсть, нежная любовь или слепая обида, словом, они привязаны ко всему тому же, к чему и живые.

Анна металась, меняла любовников как перчатки, они водили её в рестораны, покупали белое вино, рислинг или совиньон блан, биодинамическое вино из лучших виноградников, растущих на коровьем роге, опрыскиваемых отваром из одуванчиковых листьев на седьмой день лунных суток, вино, впитавшее в себя во время выдержки в погребах десятую симфонию Шостаковича и остатки лунного месяца. Они водили её в театры, на вечерние прогулки по набережной от Юсуповского дворца до Исаакиевской площади, но она жила как в чадy, боясь, как бы любовники не заметили, что теперь их трое.

В главную ночь Осенних Дедов, она предупредительно погасила электричество, зажгла восемь белых и восемь розовых свечей, и обойдя по часовой стрелке большой солнечный круг три раза, как это делали её предки больше двух тысяч лет, обратилась к духам с вопросом о суженом. Ответ показался ей в мутном зеркале воды, разрезанном криком из глубины горла. Лицо приобрело черты покойного родственника.

После той ночи стало совершенно ясно: зверь вырвался из клетки, он больше не жил в её плоти, подогреваемый же-

ланиями, теперь он жил так как она и хотела – рядом с ней. Александр Михайлович стал нетерпим. Ревновал, прогонял гостей дребезжанием стекол и скрипом паркета, по вечерам усаживался в большое кожаное кресло и требовал кофе с молоком, по утрам – чтения газет и финского масла, намазанного на тонкий ломтик бездрожжевого хлеба. Анна Леонидовна потакала всем желаниям возлюбленного, пока они не стали такими тяжелыми, что упали из головы через шею прямоком в живот. Тогда ровно в полдень она взяла старую коричневую сумку, с которой ходила за покупками, вышла из дома, оставив гостя в кресле с сигарой, дошла до самого лучшего европейского ресторана около Таврического сада, заказала луковый суп (да, порой вызывать покойника легче заказав его любимое блюдо) и слёзно созналась во всём той самой сестре бабки, которая предпочитала рыжебородых мужчин, и та, в обмен на обещание наконец – то найти достойного жениха и родить дочь, открыла ей тайну обряда по отправлению духов в потусторонний мир.

В ночь на Самайн Анна провела обряд. Абсолютно выжатая сопротивлением возлюбленного, его гневом и нежеланием покидать мир живых, тяжестью обряда и собственной сердечной болью, она лежала в ванне и вздрагивала от каждого скрипа. Раздался дверной звонок. Анна осторожно оделась, на цыпочках подошла к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.